

Квасов Олег Николаевич

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ КАК ФОРМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

В статье анализируется распространение революционных экспроприаций в Российской империи начала XX века. Выявлены теоретические и практические причины использования этой формы социально-политической борьбы.

Особое внимание уделяется последствиям распространения экспроприаторского движения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/16.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 61-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

них не может быть и речи, то правозащитники в духе соц-арта выносят реальность за скобки и демонстрируют жизнь внутри и по законам текста конституции.

Таким образом, «советский диссидент» представляется нам комплексом смысловых конструктов и стратегий поведения, реализовавших попытку интеллигентской культуры выйти за пределы строго очерченного (властью) наличного бытия в пространство воображаемого диалога. Исходным пунктом данного процесса послужила, видимо, активизация в интеллектуальной среде интеллигентского мифа, возможно, одной из наиболее устойчивых «матриц идентичности» в истории модернизации русской культуры. Интеллигент - это извечный оппонент власти, в диалоге с ней апеллирующий к «высшей реальности» - к народу, к культуре, к общечеловеческим ценностям, к совести. Власть как оппонент, отрицающий самую возможность диалога, предстает в образе мифологического протагониста, наделенного хтоническими, звериными чертами, и коммуникация с ним следует механизму жертвы. Чтобы осветить конечный результат этого семиотического обмена, достаточно, как нам кажется, привести еще одно высказывание Л. М. Баткина о культуре порождающего типа: «Всюду она стремится нарушить стереотипность, законченность, равновесие, отменяет привычный порядок, словом, создает проблемы, а не решает их» [3, с. 334].

Список литературы

1. Алексеева Л. Н. История инакомыслия в СССР (новейший период) // Самиздат века. Минск - М.: Полифакт, 1997. С. 20-52.
2. Амальрик А. А. Записки диссидента. М.: СП «Слово», 1991. 432 с.
3. Баткин Л. М. Неуютность культуры // Самиздат века. Минск - М.: Полифакт, 1997. С. 334-338.
4. Буковский В. К. И возвращается ветер...: письма русского путешественника. М.: ИПФ «Оригинал», 1990. 464 с.
5. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Идеология бесструктурности: интеллигенция и конец советской эпохи // Знамя. 1994. № 2. С. 166-179.
6. Даниэль А. Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определений // Россия/Russia: сб. статей. М.: О.Т.И., 1998. Вып. 1 (9). Семидесятые как предмет истории русской культуры. С. 110-125.
7. Даниэль А. Ю. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). С. 51-65.

SOVIET DISSIDENCE: ILLUSION OF COMMUNICATION WITH AUTHORITIES

Andrei Anatol'evich Ivanov, Ph. D. in Culturology
Department of Building and Architecture
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
larsandr@mail.ru

In the article human rights movement in the USSR is presented as the dialogue with the authorities in the situation when the opponent denies the possibility of dialogue itself. Dissident practice appearance is connected with the formation of intra-group "identity matrixes in Soviet intellectuals circles" providing distancing from the authorities and the semiotic exchange of "victims" as the means of communication with them. The identity of human rights activity principles with the principles of aesthetic dissent is demonstrated.

Key words and phrases: dissident; authorities; intellectuals; intra-group consolidation; human rights movement; artistic Underground.

УДК 32(091)

В статье анализируется распространение революционных экспроприаций в Российской империи начала XX века. Выявлены теоретические и практические причины использования этой формы социально-политической борьбы. Особое внимание уделяется последствиям распространения экспроприаторского движения.

Ключевые слова и фразы: экспроприация; террористическая деятельность; терроризм; Первая российская революция.

Олег Николаевич Квасов, к.и.н., доцент
Кафедра истории, политологии и культурологии
Воронежская государственная лесотехническая академия
kvasovoleg@yandex.ru

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ КАК ФОРМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА[©]

Экономическое развитие Российской империи начала XX века имело ряд глубоких противоречий. Дуализм особенно проявлялся в сопряженности высоких темпов индустриального развития некоторых отраслей с отсталым феодализмом других, в высокой капитализации производства и отсутствии упорядоченных трудовых

отношений, в стремительном социально-экономическом расслоении населения и слабой социальной мобильности общества в условиях полного политического бесправия. Продолжающиеся научные споры о развитии России на рубеже веков не меняют общего суждения о приоритете экономических отношений в гибели Российской империи. Столь же очевидной является взаимосвязь экономических противоречий с социально-политической обстановкой в стране. Разрешить эти противоречия, обостренные мировым кризисом и поражением в Русско-японской войне 1904–1905 гг., была призвана Первая российская революция 1905–1907 гг. Остро кризисное состояние страны проявилось в ходе самой революции, и беспрецедентная террористическая борьба, охватившая в начале XX века российское общество и государство, является тому подтверждением.

Небывалый характер российского революционного экстремизма начала XX века проявился не только в масштабах и количестве жертв террора, в ходе которого погибло почти 17 тыс. человек [1, с. 25; 4, с. 32], но также в многообразии средств и методов террористической борьбы, заложивших на десятилетия вперед основы эксплуатации терроризма в политическом противостоянии. Одним из наиболее массовых и противоречивых методов борьбы стала экспроприация, под которой понималась насильственная конфискация денежных средств или имущества на революционные нужды. Рассматривая социально-политическую борьбу начала XX века, сложно обойти молчанием это явление, однако научное изучение экспроприаторства осуществлялось преимущественно только как особой, извращенной части революционной и террористической борьбы. Отмечая значение феномена, исследователи отказывают революционно мотивированным грабегам в самостоятельности, характеризуя их как промежуточную, маргинальную форму политической борьбы между терроризмом и уголовным преступлением. Более взвешенную оценку экспроприаций на примере анализа их анархистской разновидности дал И. Трубичев [11, с. 81–89]. Солидарной является сугубо критическая оценка экспроприаций. Целью данной работы является рассмотрение этой формы «принудительного отчуждения» как специфического явления революционной идеологии и деятельности.

Использование экспроприации как формы политической борьбы отмечается с древности. Робин Гуд, наиболее известный мифологизированный «экспроприатор», возвращая отобранное имущество у феодалов крестьянам, завоевал себе уважительную историческую память. Робингудством нередко называли этот промысел и в годы первой революции. В правовом отношении экспроприация состояла в «насильственном отнятии некоторых имущественных прав у частного лица» [3]. Именно так она обосновывалась революционными теоретиками. Первоначально экспроприация трактовалась как необходимая часть процесса перехода к различным формам перераспределения, ведущая к ликвидации социального антагонизма. Однако конкретизировать и описать начало этого процесса и его форму классики революционной теории не смогли, что во многом явилось причиной вульгаризации и упрощения этого явления, сводя его к обычному грабежу. В наибольшей степени этот процесс вульгаризации коснулся анархистских представлений и организаций. В работах революционных практиков экспроприации понимались как способ пополнения партийных бюджетов, а в условиях начавшегося массового движения как форма эскалации насилия, расширение социального конфликта и переход к вооруженной борьбе. Апелляция к революционной, социальной или классовой справедливости позволяла включить в число экспроприруемых как государственную, так и частную собственность. Очевидно, что в условиях революционной целесообразности, которая преимущественно и определяла поведение боевиков, границы применения этого способа борьбы были предельно размыты и призрачны. Экспроприации призваны были не только материально поддерживать революционную деятельность и комитеты, но и наносить финансовый удар пошатнувшемуся в ходе кризиса и войны бюджету царского правительства.

Уверенность революционеров в финансовой несостоятельности правительства и вероятности финансового кризиса империи способствовала различным попыткам ускорить всеми возможными способами этот крах. С целью развалить финансовую систему империи распространялись революционные призывы к массовому неплатежу налогов. Партии призывали забирать сберегательные вклады в звонкой монете, то же призвал делать в 1905 г. Петербургский Исполком Совета рабочих депутатов. Определенный результат это имело. «За декабрь выдачи из петербургских сберегательных касс превышали поступления на 4 млн. руб. с лишним золотом. По всей России этот перевес взятия вкладов над внесением достиг 85 млн. золотых рублей. Это был едва ли не самый чувствительный удар, какой удалось петербургскому пролетариату нанести самодержавию после 17 октября» [8, с. 432]. Однако даже столь значительный удар по государственной казне не стал фатальным, тем более этого не могли сделать экспроприаторские грабежи.

Партийная полемика об экспроприациях шла постоянно как внутри партий, так и между ними. Всемерно поддерживали и пропагандировали экспроприации анархистские и максималистские организации. И хотя попытки предостеречь анархистское движение от волны неконтролируемых грабежей предпринимались не только лидерами анархизма (П. А. Кропоткин), но и в коллегияльных решениях – критически оценил частные экспроприации лондонский съезд анархистов (17–18.09.1906 г.), – предотвратить сползание в «болото эксизма» это не могло.

Самую крупную экспроприацию первой революции удалось осуществить Партии социалистов-революционеров-максималистов. 7 (20) марта 1906 г. двадцать вооруженных боевиков, обезоружив банковскую охрану, ограбили московский Банк купеческого общества взаимного кредита, похитив 875 тыс. рублей. На практике в подавляющем большинстве под максималистскими названиями скрывались частично политизированные группы внепартийных боевиков. Влечению к максимализму способствовала сама идеология партии, в которой прямо заявляли: «...экспроприация вообще, в частности экспроприация частной собственности, служит самым наилучшим средством уничтожения фетишизма собственности... Принципиально мы должны признать экспроприацию капиталов и продуктов во всякое время. Тем более мы должны признать

ее теперь, когда она создает ту психологическую обстановку, без которой трудно возвести новое здание» [10, с. 51]. Аналогичным было отношение к экспроприациям и большинства анархистских организаций, заявлявших, что «это действительное средство борьбы анархистов, а не средство для ведения борьбы (как добывание денег)» [2, с. 24].

Одними из первых к экспроприациям прибегла и Партия социалистов-революционеров. Руководство эсеров учитывало тлетворное влияние экспроприаций на партийную дисциплину и свой общественный авторитет, однако полностью отказаться от революционных грабежей не могло по идеологическим и практическим причинам. Первый (25-27.04.1906 г.) Совет партии принял решение о запрещении экспроприации частного и общественного имущества, а санкцию на грабеж государственного имущества могло выдать только высшее партийное руководство не ниже областного комитета. В дальнейшем этот запрет неоднократно подтверждался руководством партии, однако это не исключало подчас прямо противоположных решений низших партийных структур. ЦК ПСР заявлял, что «...все экспроприированные суммы составляют собственность партии. Местные организации, совершившие экспроприации, передают экспроприированные суммы полностью Обл[аственному] ком[итету], который вступает в соглашение о распределении сумм с Центральным комитетом... Суммы до 5000 рублей остаются целиком в области. От 5 до 10 тысяч – в области остаются 70%. От 10 до 30 тысяч – в области остаются 60%. От 30 до 60 тысяч – в области остается 50%. От 60 и более - в области остается 30 тысяч: все остальное переходит в Центральную кассу партии...» [5, л. 84-85]. Участие боевиков в частных экспроприациях грозило исключением из партии. При всех усилиях партийного контроля над экспроприациями можно признать эсеровскую неспособность справиться с криминализацией революционных экспроприаций и разложением боевой дисциплины.

Официально критическую позицию к экспроприациям демонстрировали обе фракции РСДРП. Однако при партийном финансовом дефиците последовательность этой позиции страдала, особенно со стороны большевиков. В зависимости от ситуации понятия терроризма и теракта подменялись более неопределенными терминами партизанских действий и борьбы со шпионством. Грабежи магазинов оружия и арсеналов, в результате которых вооружались революционные организации, социал-демократами к экспроприациям не относились. В конечном итоге классовый террор низов общества поощрялся, а террор интеллигенции, т.е. мелкобуржуазный, критиковался. Известно, насколько скандальной оказалась ситуация с использованием большевиками денег от экспроприаций братьев Кадомцевых, Камо (Семен Тер-Петросян) и лбовцев, на меньшевиков темным пятном легло участие в эксе на сумму в 200 тыс. рублей Квирильского казначейства в декабре 1905 г. В яростных фракционных спорах и те, и другие непременно обвиняли друг друга в финансовой нечистоплотности и экспроприаторских грехах. Общую сумму денег, поступивших большевикам от экспроприаций, оценивают в несколько сот тысяч рублей, которые были одним из главных финансовых источников деятельности Большевицкого Центра.

Еще более прозрачную позицию в отношении к экспроприациям имели национальные партии. К их положительной аргументации добавлялась необходимость компенсировать ущемленные национальные интересы и требование всеобщей солидарности в приложении всех сил и средств для национального освобождения, в том числе и представителей тех слоев населения, которые по своему личному благополучию не замечали этого гнета или не хотели участвовать в борьбе. Так, армянская партия Дашнакцутюн уже с 1900 г. начинает экспроприации и вымогательства у состоятельных соотечественников, причем делает это не только на Кавказе, но и в европейских странах. Поразительно успешные экспроприаторские акции организует Боевая организация Польской социалистической партии (ППС). За годы революции 1905-1907 гг. на территории Королевства Польского были совершены 443 экспроприации на сумму 600 143 рубля [9, с. 117], а самым крупным эксом стал грабеж почтового поезда 14(27) сентября 1908 г. на станции Безданы под Вильно отрядом ППС-революционной фракции, возглавляемым Ю. Пилсудским. Тогда «фракам» удалось захватить около 300 тыс. рублей. Успешной была экспроприация более чем 150 тыс. рублей и в Гельсингфорском государственном банке в феврале 1906 г. В этом грабеже активное участие приняли бойцы финской Красной Гвардии и латышские боевики.

Способы экспроприаций были разнообразны, но наибольшего распространения получили следующие: вымогательство денег на революционные нужды с помощью письменных угроз и шантажа («мандаты»); нападения на стационарные торговые точки (казенные винные лавки, купеческие магазины и пр.); экспроприация денежных сумм, перевозимых с помощью различного транспорта; грабежи частных лиц и квартир. Очевидно, что экспроприации были универсальным методом воздействия, который можно было использовать и в социально-политических, и в экономических целях. При меньшем общественном резонансе, чем от покушений на жизнь, экспроприации, однако, были легче осуществимы и не менее болезненны для объектов терроризирования. Особой формой экспроприаций было изъятие местных налоговых сборов в ходе нападений на объекты административного управления в сельской местности. Такие экспроприации совершали распропагандированные представители местного населения в ответ на злоупотребления, несправедливость или иные эксцессы налоговых кампаний. Часто это осуществлялось при молчаливом одобрении крестьянского общества.

Тенденции криминализации революционных экспроприаций начинают проявляться с конца 1906 года. Граница между политически мотивированными и уголовными грабежами стала предельно тонкой, что создает проблемы и полицейской статистике, и современным исследованиям. Экстремальный образ жизни большинства боевиков в сочетании с тяжелыми бытовыми условиями и все более призрачной победой революции ускоряли процесс вырождения боевой деятельности. Корыстные интересы боевиков все настойчивее и открыто проявляют себя. Боевики начинают присваивать часть награбленных сумм, мелкие экспроприации утаивать и все больше

проявлять самодеятельности, не подчиняясь партийным комитетам. «Террористы нового типа» открыто руководствуются положением – «преследуя свое личное благосостояние, мы попутно вместе с этим вносим деморализацию в существующий государственный строй, не разбираясь в средствах, стремимся к его ниспровержению» [6, с. 225]. Волна криминальных псевдореволюционных экспроприаций охватывает империю.

Пагубные партийные последствия от экспроприаций подчас возникали сразу после попадания денег в руки боевиков и комитетов. Нередко после этого начиналась грязная возня с распределением денег. Перебороть в себе искушение быстрого обогащения могли не многие боевики. Да и комитеты подчас были не в состоянии на прямые вопросы боевиков объяснить, куда были потрачены переданные им экспроприированные суммы. Так известно, что значительная часть экспроприированных максималистами гигантских сумм в московском Банке купеческого кредита и в почтовой карете в Петербурге 14 (27) октября 1906 г. бесследно пропала. Сложные отношения, со взаимными упреками и обвинениями, поддерживали большевики с боевиками братьев Кадомцевых и А. М. Лбова. Будущий убийца премьера П. А. Столыпина провокатор Б. Богров также запятнал себя в анархистской среде Киева, не имея возможности отчитаться за пропавшие партийные деньги. Много примеров этого можно найти практически в каждой партии и районном комитете.

Военно-полевые суды при очевидности преступления и соответствующей деянию высшей мере наказания не затягивали процесс и не утруждали себя необходимостью выяснения всех нюансов криминала, равно как и не настаивали на политических обвинениях. Известная военно-судная «скорострельность» определяла ход таких процессов. Поэтому, не желая усугублять приговор, арестованные рядовые боевики массово отказывались от своих революционных убеждений. Такое положение позволяло правительству утверждать, что военно-полевые суды, в первую очередь, борются с разгулом обычной преступности. Кроме того, это был весомый аргумент в дискредитацию революции. Вероятно, стоит согласиться с П. А. Столыпиным, что только жесткий подход к решению экспроприаторской проблемы мог дать быстрые результаты.

Размах экспроприаторского движения был огромен. Известная исследовательница революционного терроризма А. Гейфман, ссылаясь на предшествующие научные работы, оценивает только годовые (октябрь 1905 – октябрь 1906) доходы российских экспроприаторов в результате 1951 грабежа в 7 миллионов рублей [4, с. 8]. В четырех губерниях Центрального Черноземья (Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии) за 1901-1911 гг. было совершено более 85 революционных грабежей государственных и частных средств на общую сумму не менее 195 тыс. рублей [7, с. 186, 213]. Десять самых крупных экспроприаций в период революции 1905-1907 гг. дали партиям немногим более 3 млн. рублей. Однако львиная доля экспроприаций представляла собой мелкие, в несколько сот рублей, грабежи, осуществляемые группой из нескольких боевиков и, чаще всего, сопровождаемые стрельбой и жертвами. Признать эти суммы губительными для царского бюджета, конечно, нельзя. Однако для финансирования революционной деятельности, особенно для некоторых регионов и комитетов, они имели очень большое значение. Для сравнения, нашумевшее финансирование российского революционного движения японским правительством в 1904-1905 гг. определялось в 750 тыс. иен, что по валютному курсу равнялось почти 725 тыс. рублей.

В заключение, можно констатировать, что влияние экспроприаторского движения на революцию было противоречивым. Экспроприации представляли собой извращенную, вульгаризированную форму идеологического обоснования материального уравнивания общества. На практике это было физическое насилие, отъем денежных и материальных средств у государства и частных собственников. Без идеологического обоснования экспроприации, естественно, характеризуются как уголовные преступления. Именно так в годы революции экссы понимались, в первую очередь, государством, именно уголовными преступлениями они были в многочисленных псевдо- или околореволюционных организациях. Нельзя отрицать, что награбленные суммы питали деятельность ряда левых организаций, подчас очень весомо, и это опосредованно поддерживало революционное движение в целом. Очевидно, на рост экспроприаторского движения повлияла радикальная идеология анархизма и максимализма, которая с 1906 г. приобрела большое влияние на определенную часть маргинальных слоев населения. Однако одновременно с этим и постепенно экспроприации стали ахиллесовой пятой боевой деятельности революционеров, разлагая изнутри ее, деформируя и искажая содержание и цели. В заключительный период революции экспроприации превратились в откровенные уголовные грабежи.

Список литературы

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
2. Бунтарь: орган русских анархистов-коммунистов. 1906. № 1. 1 декабря.
3. Венецианов М. В. Экспроприация с точки зрения гражданского права [Электронный ресурс]. Казань: Типография Имперского Университета, 1891. URL: http://www.lexdiplom.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=261&Itemid=2 (дата обращения: 20.12.2010).
4. Гейфман А. Революционный террор в России: 1894-1917 / пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 446 с.
5. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 199.
6. Квасов О. Н. Вырождение революционного террора отступающей революции: 1905-1907 гг. // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV-XX веков. Воронеж: ВГУ, 2006.
7. Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века: 1901-1911 гг. Воронеж: ВГУ, 2005. 224 с.
8. Покровский М. Н. Избранные произведения: в 4-х т. М.: Мысль, 1967. Т. 3.

9. **Постников Н. Д.** Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России: XIX - начало XX в.: материалы конференции. М.: Мемориал, 1996.
10. **С. Г.** Тактика экспроприаций // Воля труда. М.: Тип. Иванова, 1907.
11. **Трубичев И.** Анархистские экспроприации: революционная борьба или уголовщина (на примере Первой русской революции) // Наше отечество: страницы истории. М.: Изд-во МГОУ, 2005. Вып. 4.

TERRORIST EXPROPRIATION AS REVOLUTIONARY STRUGGLE FORM IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Oleg Nikolaevich Kvasov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History, Political Science and Culturology
Voronezh State Forestry Engineering Academy
kvasovoleg@yandex.ru

The distribution of revolutionary expropriations in the Russian Empire of the beginning of the XXth century is analyzed. The theoretical and practical reasons of this social-political struggle form use are found out. Special attention is paid to the expropriation movement distribution consequences.

Key words and phrases: expropriation; terrorist activity; terrorism; First Russian revolution.

УДК 336.773“186/191”(470.61)

В статье идет речь о деятельности кредитной кооперации на территории Донского казачьего войска, самого крупного в России, освещается работа различных видов кредитных кооперативных объединений. Автор уделяет внимание роли кредитной кооперации в Донской области в годы Первой мировой войны, раскрывает процесс взаимодействия кредитной кооперации и донского казачества, сотрудничество кредитных кооперативов с другими кооперативными объединениями.

Ключевые слова и фразы: кредитные товарищества; общество взаимного кредита; ссудо-сберегательные товарищества; общественные кассы; кооперативный банк; военный округ; Донская область.

Дмитрий Александрович Ковылин, к.и.н.
Кафедра отечественной истории
Московский городской педагогический университет
dakov77@rambler.ru

КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]

Возрождение кооперации в современных условиях, на наш взгляд, может способствовать решению не только экономических, но и социальных задач. Тем более актуальным является исследование развития различных форм кооперативного движения, его закономерностей в разработке стратегии развития российских регионов в условиях перехода к социально-ориентированной рыночной экономике. Особое внимание автора обращено к специфике развития кооперативного движения в казачьих областях России, так как в результате проведенных исследований он пришел к выводу о том, что именно в основных казачьих районах России, в частности таких, как область войска Донского, кооперирование получило более интенсивное и всестороннее развитие, особенно с начала XX века.

Кредитная кооперация в современных условиях может помочь в решении такой насущной проблемы, как финансирование сельских производителей, поддержать экономическую инициативу граждан по развитию предпринимательства и фермерства, способствовать эффективному развитию и рентабельности их хозяйств.

В данном исследовании автор выделяет следующие задачи: на примере области войска Донского проследить зарождение кооперативного движения в казачьих регионах; выявить проявление общих закономерностей, основные его формы и характерные черты; проанализировать деятельность кредитных кооперативных организаций в данном казачьем регионе в конце XIX - начале XX в., их роль в годы Первой мировой войны, раскрывая особенности кредитных кооперативов, их взаимодействие с другими кооперативными объединениями, их влияние на различные стороны экономики и социальную сферу.

Кооперация в России во второй половине XIX - начале XX века развивалась в различных формах, до 1916 года среди кооперативных объединений преобладала кредитная кооперация. Кредитная кооперация получила наиболее широкое распространение, а в дальнейшем достигла высокого уровня развития в казачьих регионах России. В первую очередь следует назвать Донскую область, на территории которой находилось Донское казачье войско, самое крупное по численности, имеющее важное стратегическое значение.